

**Книга С. Морозова-Уральского «В стране мань-си»:
специфика изображения малых народностей
Урало-Сибирского региона в 1930-е гг.¹.**

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты советизации малых народностей Урало-Сибирского региона в 1930-е гг., получившие отражение в книге очерков писателя С. А. Морозова-Уральского «В стране Мань-си». В частности, ломка традиционного уклада жизни, организация колхозов, культурная революция. Автор очерков не скрывает настороженное отношение к некоторым традициям и особенностям быта малых народностей. В связи с этим фиксируются проявления советского колониального дискурса и существенная редукция этнографического начала в подобного рода очерках.

Ключевые слова: *уральская литература, Советский Север, манси, остяки, советизация, колониальный дискурс, С. А. Морозов-Уральский.*

The book «The country man-si», written by S. Morozov-Uralsky: the specificity of the image of small nations of the Ural-Siberian region in the 1930-s

Abstract: the article discusses some aspects of the sovietization of small nationalities in the Ural-Siberian region in the 1930s. Some examples of the sovietization we found in the book of essays "In the country Man-si" by writer S. Morozov-Uralsky. The book is devoted to breakdown of the traditional life, setup of collective farms, the cultural revolution in USSR. Author of essays does not hide the cautious and sometimes fastidiousness when he sees some traditions and peculiarities of the life of small nationalities. In this connection we notes manifestations of the Soviet colonial discourse and the reduction of ethnographic elements in such essays.

Key words: *literature of Ural, Soviet North, Mansi, Ostiaks, colonial discourse, S. Morozov-Uralsky.*

Интерес журналистов и писателей 1930-х гг. к малым народностям СССР был совершенно очевидно обусловлен двумя факторами: идущими в стране процессами индустриализации и коллективизации, являющими механизмы советского экспансионизма, а также формирующейся национальной и геокультурной парадигмой, легитимированной Конституцией 1936 г., которая закрепляла в стране федеративную систему и давала право народам на использование национальных языков, но при этом включала их в общее братство, где все равны и унифицированы и являются частью одного «советского народа». Национальное в риторике 1930-х, пропагандирующей братство народов, прочно связывалось с советским, тем самым переноса акценты с колониального дискурса, неизбежно сопровождающего любые процессы унификации, на национально-

¹ Статья выполнена в русле программы фундаментальных исследований УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX века».

освободительный. Не случайно на Первом всесоюзном съезде писателей была артикулирована заинтересованность в существовании и функционировании национальных литератур, хотя в целом, как подчеркивал А. М. Горький в «Заключительном слове», «культуры братских нам республик, национальные по формам, остаются и должны быть социалистическими по существу» [Первый Всесоюзный съезд, 1990: 676]. Национальное и региональное последовательно встраивалось в универсальную матрицу моноэтнического государства [Мартин, 2011] и советской культуры, эти процессы шли интенсивно по всей стране, а потому не миновали и Урало-Сибирский регион, многонациональный по своему составу и огромный по своей территории.

Говоря о малых народностях Урала и Сибири, мы имеем в виду в первую очередь обитателей Крайнего Севера, представленного в риторике 1930-х как Советский Север, богатый природными ресурсами, стратегически необходимыми для реализации сталинской промышленной программы. На Север перераспределялись людские потоки: ученые, специалисты различного профиля, летчики, моряки, рабочие; действия по освоению Севера сопровождались широкой информационной кампанией в центральной и региональной прессе. Вспомним, как искусство 1930–1940-х превозносило мужество и храбрость покорителей полярных просторов, как были популярны кинолента «Семеро смелых» (1936) С. Герасимова или роман «Два капитана» (1938–1944) В. Каверина.

Советские писатели попадали в приполярные районы Урала и Сибири по-разному. Скажем, Анатолий Климов откликнулся в 1931 г. на призыв ЦК ВЛКСМ принять участие в освоении Арктики, а в 1934 г. был назначен корреспондентом «Правды» на Ямале. А С. Морозов-Уральский, чья книга «В стране Мань-си»¹ стала материалом для нашего исследования, совершил путешествие в северные и приполярные районы Урала иным образом. Если верить информации, приведенной в альманахе «Тагильский краевед» [Из старых публикаций, 1989], то в 1930 г. С. Морозов-Уральский вместе с тагильчанами Н. Г. Масальским и В. А. Симоновым и псом-медвежатником по кличке Фунтик отправился на Север по собственному почину. «Путешествию на Север нужна была подготовка. Масальский съездил в Свердловск, в отделение Комитета Севера. Там посоветовали вести записи об увиденном и собирать этнографический материал. Нижнетагильский окружной совет профсоюзов дал на дорогу 1000 рублей, Союз охотников – порох, дробь и другие припасы для ружей: у Морозова было одноствольное охотничье ружье, у Масальского – двустволка. Осавиахим выделил винтовку с патронами, а радиоузел – довольно громоздкий радиоприемник...» [Из старых публикаций, 1989]. В начале апреля путешественники доехали на поезде до Надеждинска (ныне – Серова), дальше по узкоколейке – до поселка лесорубов, где взяли лошадей и оправились в Бурмантово, становище остяков, откуда и начали вести свои записи. Все трое озаглавили свои очерки «В стране Манси», однако Н. Г. Масальский и В. А. Симонов написали не очень большие по объему тексты (их материалы опубликовал журнал «Уральский

¹ Именно так она названа автором.

охотник» в номерах за сентябрь и октябрь-ноябрь 1930 г.), а уже имевший публикации в региональной прессе¹ С. Морозов-Уральский, напечатавшись по результатам поездки в журнале «Рост» (1930, № 7–8), выпустил полноценную книгу в Государственном издательстве художественной литературы [Морозов-Уральский, 1932]. Книга была поддержана РАППом, встречена современниками по-разному [см., например: Сцевола, 1932] и, в целом, довольно детально представляла те процессы, которые шли на Крайнем Севере в эпоху Первой пятилетки.

Основным процессом, без сомнения, являлась ломка традиционного уклада жизни: организация колхозов и общая советизация культуры народностей. С. Морозов-Уральский в своих текстах использует расхожие для эпохи схемы: изображает «темное прошлое» остяков, прошедшее под знаком униженности и оскорбленности, и, по контрасту, полное перспектив настоящее, освобождение от старых колониальных пут. «Руководимые чутьем, в прошлом бесправные и угнетенные, они по туманным и неясным циркулярам, на непонятном языке строят новую жизнь. Они строят свои колхозы, весть о которых завезли верхо-турские мужики-колхозники, ездившие к ним за рыбой.

Имея смутное представление о советской власти, о социализме, борются за социализм, борются с классовым врагом, который здесь сильнее, чем где бы то ни было» [Морозов-Уральский, 1932; 3].

Критика «циркуляров», которой открываются очерки, не должна смущать — она, скорее, исключение из правила, потому как герой книги, третий месяц скитающийся на оленях и собаках по просторам тундры (у Морозова-Уральского нет описаний спутников), действует как принципиальный советский миссионер, отстаивающий веру в социальную справедливость и обучающий всякого, попавшегося на пути, как правильно жить. Это касается и бытовой, и идеологической стороны жизни. «Я вырвал у него бутылку, достал из походной аптеки борную кислоту, научил его, как разводить, и велел раствором мыть глаза, больные трахомой, а лекарство, выданное бурмантовским фельдшером, вынес на улицу и бросил бутылку в ближайшее дерево» [Морозов-Уральский, 1932: 11]. Он выступает как представитель власти, хотя его полномочия документально не определены. Например, именно он убеждает шамана Кирилла, комсомольца с 1924 года, отказаться от шаманства и начать учиться. Политическая грамота и просвещение являются его действенными инструментами.

Образы так называемых советских миссионеров: комсомольцев и организаторов красных чумов, юртсоветов, первых колхозов, людей, усиленно улучшающих быт малых народностей, борющихся с «пупами» (идолами) и влияющих на их умонастроения, весьма нередки для очерков и рассказов 1930-х,

¹ Морозов-Уральский (наст. фамилия Морозов) Степан Артемьевич родился в 1896 в Вятской губернии. Получил начальное образование. В 1916–1917 гг. состоял в партии анархистов. В 1917–1924 служил в авиации. В конце 1920-х поселился в Нижнем Тагиле, где начал публиковаться в газетах в качестве фельетониста. Дебютом писателя в литературе можно назвать рассказ «Ход конем», напечатанный в № 1–2 журнала «Рост» в 1930 г. Активно публиковался вплоть до 1934 г. 25 марта 1938 был арестован, 13 мая приговорен к расстрелу и через два дня расстрелян. Реабилитирован в 1956. [См.: Голдин, 2002].

посвященных Советскому Северу (см., например, «Северные рассказы» А. Климова). Однако С. Морозов-Уральский, с одной стороны, следуя общей советской тенденции героизации личности, с другой – в своей книге делает ставку отнюдь не на героя.

Он отказывается от использования связующего потенциала образа – не герой объединяет очерки. Более того, писатель уходит и от предсказуемой структуры травелога – изучая книгу, практически невозможно нарисовать схему его путешествия по тундре. Для сравнения: Н. Г. Масальский и В. А. Симонов выстроили свои заметки в рамках классической схемы пути, они обозначили движение от Бурмантова к Северной Сосьве, поселку Усть-Маньи, Саранпаулю, селу Няксимволю, горе Тел-Поз-Из, где их покинул Морозов-Уральский, у которого жена ждала ребенка. Тагильчане путешествовали по Северу четыре месяца, а затем отправились по речному пути до Березова–Тобольска–Тюмени [Масальский, Симонов, 1989]. Содержанием очерков Н. Г. Масальского и В. А. Симонова так или иначе стали дорожные впечатления. В очерках С. Морозова-Уральского вместо впечатлений такого рода, равно как и самого сознания, порождающего и фиксирующего эти впечатления, на первом плане оказались некие процессы наблюдаемой действительности. В этом отношении очерки приобрели физиологизм: они наполнились натуралистическими описаниями самых неприглядных сторон быта обитателей «страны Мань-си».

К примеру, внимание автора останавливается на униженном положении женщины в тундре. Даже самые приятные в общении остяки безжалостно бьют своих жен. «Вот передо мной стоит, как живой, Манькас с добродушным, глуповатым выражением лица. Но этот добродушный человек превращается в разъяренного зверя, когда топчет ногами жену и словно кувалдой бьет по полу ее головой, рвет за волосы, бросает на пол» [Морозов-Уральский, 1932: 65]. Юрты, в которых женщины рожают, считаются опоганенными. «Страшная догадка. Мы попали в “поганую” юрту, – к родильнице, и теперь никто нас не пустит в жилую юрту. <...> Тщетно я пытался объяснить всю нелепость их закона. Тщетно я пытался рассказать ей, в каких условиях родят наши женщины» [Морозов-Уральский, 1932: 9]. А на празднике медведя даже те остяки, которые состоят в комсомоле, принимают участие в традиционном изнасиловании женщин. «Четвертая и последняя ночь праздника медведя начинается дикой пляской вокруг головы, а затем плясуны показывают голове оголенный зад и выбрасывают ее на шесте из юрты. Мажутся сажей, обливаются водой, едят, пьют и наконец достигаю высших пределов безумия.

При тусклом свете огня один из гостей схватил женщину, с силой бросил ее на нары. Через несколько минут возни он торжественно потрясает над головой ремнями со свинцовой плиткой, которой закрывается женский половой орган.

Это служит сигналом. Трещит одежда. Визг, крик...» [Морозов-Уральский, 1932: 25].

С. Морозов-Уральский не скрывает настороженное и местами безразличное отношение к некоторым традициям и особенностям быта малых народностей, демонстрируя тем самым бремя белого человека, пусть и советского по своим

убеждениям, но живущего в пространстве иной культуры и мыслящего в русле иных традиций. Подобное отношение к инородцам не являлась в 1930-е принципиальным новшеством, а вполне продолжало линию, намеченную еще в до-революционной этнографической беллетристике, о которой пишут, например, Е. Г. Власова, анализируя коми-пермяцкий дискурс в российской периодике XIX – начала XX вв. [Коми-пермяцкий дискурс, 2014] или – в весьма смягченном варианте – Е. К. Созина, исследующая очерки К. Носилова [Созина, 2014].

Разумеется, мы имеем дело с колониальным дискурсом, нередко завуалированным антиколониальными по своей сути разоблачениями прошлого (см., например, очерк «Коза в каракулевой ротонде»), но опирающегося на универсальную для колониализма любого рода идею включения в жизнь цивилизации периферийных народностей, унификации сознания и быта по неким централизованным образцам. Примечательно, что С. Морозов-Уральский не особенно разбирается в том, с представителями какой конкретной народности общается его герой в данный момент в «стране Мань-си»: манси, ханты, самоеды, зыряне и т. д. – почти всех он называет остяками, а их национальные характеристики и различительные особенности не составляют для него предмета рефлексии. В этом смысле автор нарушает принципы точности и детализированности этнографической беллетристики или того же физиологического очерка – колониальный субтекст вымывает сакральное значение традиций наблюдаемых народностей: их обычаи и ритуалы обесмысливаются и не воспринимаются писателем как уникальный для фиксации материал.

Даже фольклорные тексты, которые публикует С. Морозов-Уральский, предстают осознанно нелепыми. Пример тому – сказка про слабоумного брата, который хотел съесть руку покойного отца, а затем варил обед в проруби, за что был бит старшими братьями, после чего пришел на могилу отца жаловаться, и покойный отец наделил его недюжинной силой, позволившей отомстить братьям и забрать их жен. Сказка лишена какого-либо поучительного начала, ибо младший брат – отнюдь не дурачок из русского фольклора, не умеющий жить, но имеющий чистое сердце, а именно слабоумный и мстительный человек, несправедливо оказавшийся хозяином жизни. Приводя этот текст в очерках, автор артикулирует потенциальную негуманность мира остяков, указывает на отсутствие этической системы координат. Пожалуй, только традиция слагать песни вызывает у С. Морозова-Уральского одобрение: инородец Койк попадает в Тагил, дивится городу («большому паулю») и на обратном пути, погоняя оленей, поет про «славный красный народ», который принесет в тундру «много тепла» [Морозов-Уральский, 1932: 81]. Новый советский фольклор оказывается для автора предпочтительнее традиционного.

Поддерживая антиколониальную риторику и характеризуя проявления колониализма как пережитки «темного прошлого», С. Морозов-Уральский, без сомнения, является носителем идеи «внутренней колонизации», институтами которой, как отмечает А. Эткинд, в советское время были колхозы и культурная революция [Внутренняя колонизация]. Подключенный к советской культурной матрице, по сути, уже осуществивший «внутреннюю колонизацию» в рамках

собственного сознания, точнее, его вербальных манифестаций, писатель последовательно внедряет в очерки идеологические схемы и клише.

Так, основное внимание в очерках, в духе времени, уделяется классовой борьбе и строительству новой жизни на Севере. Гнев героя вполне ожидаемо вызывают классовые и идеологические враги: шаманы и кулаки, а также их происки против объединившихся в рыболовецкую артель, а затем колхозы «Заря советов» и «Октябрь» бедняков. С особой тщательностью выводятся сцены колхозной жизни и путешествие Койка в индустриальный Тагил. Общим содержанием книги становится наступление новой жизни и советизация Севера. «Север перерождается. Люди потянулись к свету, к знаниям, к новой творческой жизни» [Морозов-Уральский, 1932: 65]. Для сравнения пассаж из очерков Н. Г. Масальского: «Культработа среди остяков, не говоря уж об остякских женщинах, не ведется. На 600 километров в окружности, единственный культурный человек – учительница. Что она может сделать своими силами?» [Масальский, Симонов, 1989].

Сам факт, что на первый план в книге С. Морозова-Уральского выходят процессы преобразования экономических отношений на Севере, при общей идеологической схематизированности в описаниях и сюжетных построениях, указывает на то, что перед нами жанровый гибрид путевых и производственных очерков, нередкий для 1930-х, активно вживляющих «советский супертекст» в любые устойчивые или формирующиеся жанровые образования. Для нас же гибридность представленных очерков имеет значение в контексте эволюции этнографической беллетристики, в которой неизбежно происходит существенная редукция этнографического начала: отныне оптика физиологического очерка существенно корректируется идеологическими установками и схемами. Это создает определенную систему регламентации при описании малых народностей Крайнего Севера, а в широком смысле – всего СССР.

Список литературы

1. Внутренняя колонизация: модель для развертки. – URL: <http://gefeter.ru/archive/6347> (дата обращения – 27.03.2016 г.).
2. Голдин В. Н. Узорщики слова и пробы пера / В. Н. Голдин. – Екатеринбург, 2002.
3. Из старых публикаций. От редакции // Тагильский краевед, 1989. – № 6. – URL: http://historyntagil.ru/kraeved/tk_06_15.htm (дата обращения – 27.03.2016 г.).
4. Коми-пермяцкий дискурс в российской периодике XIX – начала XX вв. / Е. Г. Власова // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности : коллективная монография / науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. – Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар : УМЦ УПИ, 2014. – С. 68–84.
5. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. – М., 2011.

6. Масальский Н. Г. В стране Манси / Н. Г. Масальский, В. А. Симонов // Тагильский краевед. 1989. № 6. – URL: http://historyntagil.ru/kraeved/tk_06_16.htm (дата обращения – 27.03.2016 г.).
7. Морозов-Уральский С. В стране Мань-си / С. В. Морозов-Уральский. – М.–Л., 1932.
8. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. – М., 1990.
9. Созина Е. К. «Целый новый для меня мир»: этнографическая беллетристика К. Д. Носилова в русской литературе рубежа XIX–XX вв. / Е. К. Созина // Quaestio Rossica, 2014. – № 2. – С. 193–211.
10. Сцевола М. Пасквиль на советский Север / М. Сцевола. «В стране Мань-си». – Ст. Морозова-Уральского // На смену! 1932. – 25 марта.

В. И. Сайфутдинова

Роман С. Лема «Расследование»: опыт комментирования

Аннотация: статья представляет собой опыт создания реального комментария к роману польского писателя С. Лема «Расследование». В единственном собрании сочинений С. Лема (Лем. С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Текст, 1992–1995) раздел «Комментарии» полностью отсутствует, поэтому оно не может считаться научно подготовленным изданием произведений писателя. Комментарий делается по переводу С. И. Ларина с учетом того, что перевод считается редакцией (в текстологическом смысле) основного текста произведения.

Ключевые слова: *реальный комментарий; специфика переводного издания; редакция; С. Лем; роман «Расследование».*

Novel S. Lem "The investigation": experience of creating comments

Abstract: the article presents an experience of creating real comments to a novel by Polish writer S. Lem "The investigation". In the only existed russian novel collection of Mr. Lem (Lem S. Collected works in 10 vol.; Text, 1992–1995) there is no comment section, it is why the collection may not be considered as an academic edition of the writer's works. The presented commenting experience are based on translation made by S. I. Larin and with taking into account that the translation is thought as an edition (in textological context) of main text of the novel.

Key words: *real comment, translated edition specifics, edition, S. Lem, "The Investigation" novel.*

Станислава Лема издавали много, особенно в Советском Союзе, так как тематика произведений писателя совпадала с главным для советских людей того времени событием – покорение космоса. Однако, кроме вступительных статей, принадлежавших как литературоведам, так и людям других профессий, например, космонавтам, очень любившим творчество польского писателя, о нем не было ни одной серьезной статьи.